

М. А. ВЕДЕШКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА В БУДАПЕШТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Рец. на сб. статей: «Историческая русистика в XXI в.: Материалы десятой международной конференции будапештского Центра русистики от 18–19 мая 2015 г.». Автор рецензии анализирует проблемы исторической русистики, которые обсуждались на десятой международной конференции, организованной и проведенной Будапештским Центром Русистики 18–19 мая 2015 г.

Ключевые слова: историческая русистика, проблемы русской и российской истории и культуры

В 2015 г. Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша отметил свое двадцатилетие, а если прибавить период деятельности его прямого предшественника – Венгерского института русистики, то и двадцатипятилетие. Юбилейный год был отмечен чередой ярких событий в научной жизни Центра. Наиболее важным из них стала X международная конференция «Историческая русистика в XXI веке», состоявшаяся в Будапеште 18–19 мая 2015 года. Столь значительное событие собрало в стенах Будапештского университета исследователей истории России из трех континентов, семи стран, десятков университетов и академических центров. Участники конференции единодушно отметили высокий научный уровень докладов и значительные успехи, достигнутые исследователями в разработке широчайшей палитры вопросов истории России.

В 2017 г. по итогам прошедшей конференции был выпущен сборник материалов¹. В него вошло более сорока статей, тематически разделенных на четыре раздела. Первый блок посвящен общим вопросам историографии и методологии современной русистики (с. 13-70). Второй раздел включает в себя работы, освещающие различные проблемы истории Средневековья и раннего Нового времени (с. 71-186). Третий – отечественной истории XIX – начала XX в. (с. 187-294), а четвертый – советскому и современному периодам истории России (с. 295-385).

Значительная часть материалов связана с историей контактов представителей венгерского народа с исторически бытовавшими на территории современной России социумами и государственными структурами. В трех из них поднимаются вопросы взаимоотношений мадьяр с народами Восточноевропейской равнины в эпоху Pax Chazarica и существования Древнерусского государства. В статье М.К. Юрасо-

¹ Russian Studies in History in the 21st century... 2017.

ва поднимается проблема датировки первого проникновения печенежских орд в степи Северного Причерноморья. Как известно, именно это переселение спровоцировало начало миграции мадьяр на запад, в итоге приведшей к обретению ими родины на Дунае. Автор приводит убедительные аргументы в пользу раннего (середина IX в.) переселения печенежских племен в Европу и, следовательно, более ранней, чем традиционно считалось в нашей историографии миграции венгерского племенного союза на запад (с. 73-83). В работе Г. Джилони рассматривается ранняя история Киева, происхождение полулегендарного основателя города на Днепре – князя Кия, а также отдельные проблемы деятельности князя Аскольда. Исследователь объективно солидаризируется с позицией В.Я. Петрухина², выдвигавшего предположение, что вторжение мадьяр вбило клин между ядром хазарского государства и его северо-западными окраинами и тем самым поспособствовало обретению хазарским Самбатием-Киевом некоей автономии или даже независимости от кагана. Интересны (впрочем, не новы) и рассуждения автора о роли Аскольда в становлении Киева в качестве независимого политического центра и распространении там христианства (с. 93-104). Статья М. Фонт посвящена политическим и династическим контактам венгерского королевского дома с галицко-волынскими князьями в первой половине XIII в. Автор относительно подробно рассматривает связи Андраша II и Белы IV с боровшимися за галицкий стол князьями Даниилом Романовичем и Романом Михайловичем, освещает участие Венгерского королевства в княжеских усобицах, а также попытки привлечения русских князей к участию в организуемой Белой IV антимонольской коалиции (с. 112-118).

Статьи С. Шухайды, рассматривающего образ Российской империи в венгерской прессе 1841–1844 гг. (с. 222-230), и Г. Кечкемети, изучающего исторические корни либеральной русофобии в Венгрии (с. 248-255), затрагивают проблемы формирования образа России в венгерском обществе середины – второй половины XIX в. Как убедительно показали авторы, в 1830 – начале 1840-х гг. «русские темы» поднимались образованными слоями венгерского общества преимущественно в контексте обсуждения польского вопроса. Примечательно, что придерживавшиеся различных политических взглядов представители венгерской элиты в равной степени отрицательно относились к подавлению Польского восстания 1830–1831 гг. Вместе с тем, критика действий русских властей в Царстве Польском проводилась с диаметрально противоположных позиций: венгерские либералы осуждали отмену польской Конституции 1815 года, а консерваторы, прежде всего, выступали против антикатолической политики самодержавия. К середине

² Петрухин 2011. С. 216-222.

1840-х гг. упоминания о России и русских чаще всего начали появляться в контексте обострившегося Восточного вопроса и роста панславистских настроений, как в самой России, так и среди славянских народов Дунайской империи и Балканского полуострова. В венгерском обществе тех лет явно ощущалось беспокойство, вызванное национальным пробуждением окружавших Венгрию славянских народов и страхом перед ожидаемой экспансией единственного независимого «славянского государства» – Российской империи. Неприятие подавлявшей любое свободомыслие «деспотичной славянской империи, возглавившей крестовый поход против европейской цивилизации», резко усилилось после участия экспедиционного корпуса Паскевича в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. Окончательное «оформление» венгерская русофобия получила после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., присовокупившей к неприятию панславизма и политической системы Российской империи основанную на мнимой этнокультурной близости тюрок и мадьяр османофилию.

Две статьи посвящены участию Венгерского Королевства в Великой Отечественной войне. В частности, тема попыток национального самооправдания в современной научной практике была раскрыта в статье одного из крупнейших венгерских специалистов по истории СССР 1920–1950-х гг. ХХ в. Т. Крауса «Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима венгерской исторической науки». В ней автор подвергает резкой критике концепции современных венгерских историков, демонизирующих СССР и Красную армию, и ретуширующих преступления хортистских приспешников гитлеровской Германии в угоду все более правоконсервативному, а иногда и откровенно реваншистскому общественному мнению Венгрии. В статье убедительно продемонстрировано, что все попытки представить хортистов в качестве «невинных агнцев», не несущих никакой ответственности за проведение геноцида населения СССР, строятся на откровенной фальсификации или методологической нечистоплотности. Весьма значимым представляется один из выводов автора: у нацизма нет истории вне «криминальности», а у Советского Союза она, несомненно, есть, – достойный ответ всем апологетам отождествления III Рейха и СССР (с. 37-50). Подтверждение тезиса Т. Крауса фактическими данными содержится в работе А. Фориса, посвященной тяжелой судьбе солдат и офицеров РККА, попавших в плен к частям Венгерской Королевской армии. Автор не скрывает военных преступлений хортистов, подробно описывает бесчеловечные условия, в которых оказались советские военнопленные, освещает случаи нарушения чинами венгерской армии международных гуманитарных конвенций (с. 334-341).

Второй блок тематически близких статей посвящен истории Русского зарубежья. В статье Е.И. Самарцевой представлен обстоятельный обзор актуальных проблем истории и историографии «Русского зарубежья». Согласно выводам автора, наибольшее внимание научного сообщества вызывают такие направления, как: 1) Эмиграция из России до 1917 года; 2) Русское зарубежье. «Первая волна»; 3) Литература Русского зарубежья. «Первая волна»; 4) Вторая мировая война и Зарубежная Россия; 5) Русское зарубежье. «Вторая волна»; 6) Вклад учёных-эмигрантов из России в развитие точных и естественных наук; 7) Русское зарубежье. «Третья волна»; 8) Русская Православная Церковь за рубежом; 9) Изучение истории и культуры России в разных странах мира; 10) Современные ракурсы темы «Русское рассеяние» (с. 51-62). Статья М.В. Ковалева посвящена слабо разработанному в отечественной и мировой историографии вопросу научных контактов между венгерскими историками и представителями русской академической эмиграции первой волны (с. 308-315). В работе О.В. Ратушняк рассматривается феномен казачьего зарубежья в XX в., выявляются причины формирования отличных от всех остальных эмигрантских сообществ институтов самоорганизации казачества, поднимается вопрос о причинах длительного сохранения сословного самосознания оказавшихся за рубежом казаков и их потомков (с. 316-323).

Ярко освещена в сборнике остроактуальная полемика российских и украинских исследователей о трактовке ряда фактов и событий общей истории двух стран. Очерк Б. Варги посвящен оценке Переяславской рады 1654 г. в современной российской и украинской историографии (до 2004 г.) – с неутешительным выводом, что исторические школы обеих стран сохраняют оформившиеся еще в XX столетии взаимоисключающие трактовки этого события: «добровольное воссоединение братского украинского народа с Россией» и «гнусный захват независимой Украинской державы агрессивной и экспансионистской Московией» (с. 129-139). В статье Я. Лазарева «Готова ли украинская историческая наука к диалогу?: размышления о роли национальной памяти в историческом сообществе» поднимается вопрос о самой возможности плодотворного научного взаимодействия и диалога национальных исследовательских школ в условиях радикального расхождения трактовок ряда фактов и процессов общей истории. На примере личного опыта общения с украинскими коллегами автор был вынужден констатировать, что события современной политической жизни накладывают тяжелый отпечаток даже на научные контакты и зачастую заставляют ученых, вольно или невольно оказавшихся разведенными «по разные стороны баррикад», прервать обмен мнениями и многолетнее плодотворное сотрудничество (с. 31-36).

Много важных и актуальных тем было поднято в разделе, посвященном общим вопросам методологии. В статье И.И. Глебовой «О россиеведении в России» (с. 21–30) ставится проблема институционализации современного россиеведения в качестве новой синтетической дисциплины, в рамках которой возможно проводить комплексные исследования характерных (или уникальных) именно для России социокультурных, социоисторических и социально-экономических явлений. Об актуальности подобного отношения к изучению России, бесспорно, говорит и неспособность большинства модных в 1990-е гг. макроисторических концепций адекватно описать и объяснить российскую реальность. Очерк С. Филиппова посвящен вопросу о применимости и продуктивности цивилизационного подхода при изучении российской истории. С точки зрения автора, представление о России как особой цивилизации, в последнее время ставшее едва ли не официально одобренной властью идеологемой, не обладает сколько-нибудь значительным эвристическим потенциалом. Автор полагает, что понятийный аппарат цивилизационного подхода по-прежнему не разработан, цивилизационная идентичность России не определена, нет консенсуса относительно специфических черт этой цивилизации, как бы она не называлась, наконец, не доказано, что особенности российской истории дают основание говорить об особой цивилизации (с. 63–70).

Помимо названных выше в сборник вошли работы по разнообразным проблемам современной русистики.

В открывающем сборник очерке видного бельгийского слависта Э. Вагеманса, известного российскому читателю по таким трудам, как «Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)» и «Петр Великий в Бельгии», представлена характеристика основных направлений исследований по русистике в Нидерландах и Бельгии за последние тридцать лет (1985–2015), охватывающих на удивление широкий круг вопросов: от знаменитого посещения Соединенных провинций Петром I до судеб русских путешественников в Бельгийском Конго (с. 15–20).

Несомненный интерес вызывает статья М.С. Петровой. По сути, в ней, на примере уникального для русского Средневековья текста, составленного Дмитрием Герасимовым на основе «Ars grammatica» Доната, ставится вопрос о рецепции русской книжностью античной латинской филологической и шире, культурной традиции (с. 119–128). Не менее примечательна и статья А. Клеймолы, в которой рассматривается деятельность сравнительно малоизученного епископа Афанасия Холмогорского – мыслителя-эрудита второй половины XVII столетия, фактически ставшего одним из предвестников петровских преобразований (с. 105–111).

В целом, высокий уровень вошедших в сборник статей свидетельствует о несомненном интересе научной общественности к исторической русистике и демонстрирует рост интенсивности контактов представителей международной академической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Russian Studies in History in the 21st century. Materials of the 10th International Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18 – 19, 2015 / Ed. by G. Szvak; S. Filippov. Budapest: Russica Pannonicana, Aquilo Press, 2017. 392 p.

Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологический аспект. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с. [Petruhin V.Y. «Rus' i vse yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazej: Istoriko-arheologicheskij aspekt. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. 384 с.]

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН, доцент ИОН РАНХиГС; *Balatar@mail.ru*

Russian Studies in History in Eötvös Loránd University

The article analyses the problems of Russian Studies in History discussed at the 10th International Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18 – 19, 2015.

Keywords: Russian Studies in History, Hungary, Budapest

Mikhail Vedeshkin, PhD in History, research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor of the School of Public Policy – RANEPА; *Balatar@mail.ru*